

Научная статья

УДК 003(091): 81'22

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10213

СИГНИФИКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПЕРЕВОДА

Вячеслав Васильевич Ляшов^{1✉}, Константин Дмитриевич Скрипник²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ saddydg@mail.ru✉

² kdscripnik@sfnu.ru, ORCID: 0000-0002-2150-1571

Аннотация. В центре внимания статьи находится проблема необходимости формирования широкой философской и методологической базы translation studies, в значительной степени связанная с ростом числа переводов в отечественной философской литературе и вызвавшая обсуждение вопросов «философии перевода». Приводя примеры вариантов понимания перевода как интерпретации, авторы утверждают, что перевод должен основываться на том, что обычный язык представляет собой не более чем одну из возможных, может быть, основную, «первичную» знаковую систему. С этой точки зрения даже сформулированные Р. Якобсоном принципы перевода должны пониматься в более широком семиотическом смысле. Подобное понимание было сформулировано в рамках оригинального подхода Виктории Уэлби, создательницы собственной концепции о знаке, значении и значимости, которую она называла сигнификой. Одними из центральных процедур сигнифики являются процедуры перевода и интерпретации, выходящие за рамки перехода от одного языка к другому. Перевод должен пониматься как отношение между семиотическими кодами, базироваться не только на знаковых отношениях, но и на отношениях значимости, складывающихся в коммуникативном процессе, включающим аксиологический каркас. Сигнифика Уэлби находится в одном ряду с семейотикой Пирса и диалогичностью бахтинской методологии.

Ключевые слова: перевод, сигнифика, знак, значимость, Виктория Уэлби

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00261.

Для цитирования: Ляшов В. В., Скрипник К. Д. Сигнифика в контексте философии перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 96—103. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10213.

Original article

SIGNIFICS IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF TRANSLATION

Vyacheslav V. Lyashov^{1✉}, Konstantin D. Skripnik²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ saddydg@mail.ru✉

² kdscripnik@sfnu.ru, ORCID: 0000-0002-2150-1571

Abstract. The article focuses on the problem of the forming a broad philosophical and methodological base of translation studies, largely related to the growth in the number of translations in the Russian philosophical literature and caused a discussion of the “philosophy of translation”. Giving examples of options for understanding translation as interpretation, the authors argue that translation should be based on the fact that an ordinary language is no more than one of the possible, perhaps the main, “primary” sign system. From this point of view, R. Jakobson’s principles of translation should be understood in a broader semiotic sense. Such an understanding was formulated within the framework of the original approach of Victoria Welby, the creator of her own concept of a sign, meaning and significance, which she called “significs”. One of the central procedures of significs are translation and interpretation procedures that go beyond the transition from one language to another. Translation should be understood as a relationship between semiotic codes, based not only on signs relationships, but also on the relationship

of significance which are developed in the communicative process, including the axiological framework. Welby's signification is on a par with Pierce's semiotics and the dialogic nature of Bakhtin's methodology.

Keywords: translation, signification, sign, significance, Welby

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00261.

For citation: Lyashov VV, Skripnik KD. Signification in the context of philosophy of translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(2(460):96-103. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10213.

Введение. Вал переводов, с которым отечественные философы столкнулись в последние годы, заставляет вновь и вновь обращаться к «техническим», лингвистическим и, что не менее важно, методологическим и философским проблемам перевода и переводческой деятельности. «Translation studies», начало которых принято связывать с работой Холмса [15, с. 180—192], до настоящего времени остаются в фокусе внимания отечественных [1; 11] и зарубежных исследователей [3; 12; 16; 18]; речь идет не только о лингвистических или технических аспектах перевода, но и о философии перевода и, особо, о переводе философских текстов.

В книге, посвященной переводу, У. Эко замечает: «Что значит “переводить”? Первый ответ, и притом обнадеживающий, мог бы стать таким: сказать то же самое на другом языке» [7; 12]. Слово сочетание «мог бы» сразу дезавуируется названием книги — «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» — перевод все же не «то же самое», но лишь «почти то же самое». Примером является «Война и мир», который начинается с огромного пассажа на французском языке, порождающего вопросы о том, исходил ли Толстой из предположения, что все читатели им владеют; вероятно, нет, потому что он помещает и перевод этого и иных пассажей. Позже, в переписке со Н. Н. Страховым, Толстой пишет, что многое сделал в исправлении недостатков романа, в частности, «выкинул некоторые рассуждения совсем», «переводил все французское по-русски». Комментаторы отмечают, что это был не вполне точный перевод — мысли, выраженные на французском языке, были выражены на языке русском, иными словами, это именно то, что Эко называет «сказать почти то же самое».

Вряд ли можно говорить о каких-либо строгих теоретических алгоритмах перевода любых текстов, а философских текстов — в особенности; дело даже не в том, что разные переводчики могут переводить один и тот же текст, отдельные слова и выражения по-разному. Дело в первую очередь в том, что они могут понимать по-разному, мало того, один и тот же философ может по-разному

понимать и, соответственно, переводить другого в различные периоды деятельности, что связано и с углублением понимания переводимого текста, и с изменением собственных воззрений. Переводы не просто репрезентируют некоторый текст в другом языке, в них отражаются время, контекст, сам переводчик. Выбор переводчика не в том, как переводить, но, в первую очередь, что переводить. Известен случай из истории отечественной философской мысли: большая часть философов, работавшая в рамках марксистской парадигмы, опиралась на имеющиеся переводы Маркса и Энгельса; но когда Г. Багатурия в 1969 году осуществил реконструкцию (по сути, новый перевод) первой главы «Немецкой идеологии» [2], многие оказались в «сложном» положении необходимости изменения своего понимания ряда положений марксизма.

Проиллюстрируем сложности перевода еще некоторыми примерами из более знакомой нам практики. Одной из самых важных работ Г. Фреге была его «Über Sinn und Bedeutung». Перевод данных терминов на, в первую очередь, английский язык, варьировался в диахроническом развитии и отражал то, как варианты переводов связаны с пониманием того, что в широком смысле слова может быть названо проблемой значения [14; 20]. Перевод немецкого «Bedeutung» на английский в обычном варианте не сложен — это «meaning»; но вот после указанной статьи Фреге он стал затруднителен в первую очередь ввиду разделения Фреге данных двух терминов. М. Бини указывает, что для перевода «Bedeutung» на английский использовались такие термины как «indication», «denotation», «reference», «referent», «nominatum», «meaning», «significance», and «signification». Тот или иной вариант перевода менялся от переводчика к переводчику, от одного времени к другому. Так, в 1903 году Рассел переводил «Bedeutung» как «meaning», объясняя это так: «Я не перевожу Bedeutung как денотация (denotation), потому что это слово имеет техническое значение, которое отличается от фрегевского, а также и потому, что для него bedeuten отнюдь не то же самое, что для меня «денотировать» [19, с. 502]. Речь идет не

просто о терминах, но об определенных концепциях, связанных с ними. А уже через два года, после формирования теории дескрипций, после знаменитой статьи «О денотации» Рассел, полагая, что новая теория позволяет трактовать отношение «Bedeutung» как его собственное отношение денотации, стал и данный термин переводить как «denotation», хотя в самой указанной статье используется «indication».

Дальнейшая история переводов складывалась примерно следующим образом: Ф. Журден (Philip Jourdan) переводит «Sinn» и «Bedeutung» как «meaning» and «denotation», Л. Витгенштейн в записных книжках 1913—1914 гг. — как «sense» и «meaning», соответственно, (позднее их так же переводит Остин), Э. Энском полагает, что лучшим переводом использования Фреге термина «Bedeutung» является «reference», Огден и Ричардс переводят термины как «meaning» и «indication», Карнап выбирает для «Bedeutung» «nominatum» (то, что именуется), М. Блэк называет работу Фреге «Sense and Reference». Перечень может быть продолжен, но это увело бы в сторону от основной темы, поскольку само описание исторического изменения перевода терминов Фреге и теоретическая экспликация оснований изменения может представлять задачу для отдельного исследования. Замечу только, что в русские варианты перевода отличаются, и «Bedeutung» переводится иногда как денотация, иногда как значение; М. Кронгауз, например, полагает, что «классическое противопоставление смысла и денотата, введенное Г. Фреге (нем. Sinn и Bedeutung), в современной терминологии точнее всего выражается терминами «интенционал» и «референт» [4, 58—59]. Сложности соотношения различных традиций перевода и использования терминов, связанных с двумя сторонами (языкового) знака, М. Кронгауз демонстрирует далее, когда содержательная сторона знака именуется «означающее», «содержание», «сигнификат», а соответствующий материальный носитель — «означающее», «форма», «выражение», «сигнификант». В рамках самой содержательной стороны знака, говоря о понятийном и предметном содержании, сталкиваются пары «сигнификат — денотат», «десигнат — денотат», «интенционал — экстенционал, референт»

Приведенные примеры — и еще более многочисленные не приведенные здесь — привлекают внимание как к возможности, так и необходимости проведения такого анализа на метауровне, который показал бы недостаточность понимания перевода как процедуры, сводящейся к межязыковым отношениям, так и несводимость перевода к переводу как к технической процедуре некоего

сорта. Подобный анализ должен основываться на более широкой базе, и одно из предложений связывается с тем, что обычный язык представляет собой не более чем одну из возможных, может быть, основную, «первичную» знаковую систему. Понимание перевода в этом случае становится более адекватным в каркасе семиозиса как процедуры означивания и осмысления, процедуры приписывания, порождения и анализа значения и смысла знаков и знаковых систем, включая, понятно, и вербальные, более широко — лингвистические. Опорной точкой здесь служат положения, сформулированные Р.Якобсоном [13].

Сигнифика леди Уэлби как философия интерпретации и перевода. Согласно Якобсону, различают «три способа интерпретации вербального знака: он может быть переведен в другие знаки того же языка, на другой язык или же в другую, невербальную систему знаков. Этим трем видам перевода можно дать следующие названия: 1) Внутриязыковой перевод, или переименования, — интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка. 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка. 3) Межсемиотический перевод, или трансмутация, — интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» [13, с. 362]. На первый взгляд может показаться, что речь идет лишь о языке, при более внимательном подходе первое впечатление оказывается обманчивым. Уже в данном фрагменте обращает на себя внимание слово «интерпретация»: Якобсон связывает перевод с интерпретацией, и тогда становится ясным, что речь идет не просто о знаках, речь идет о семиотических кодах — и действительно, далее он говорит о том, что «в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах» [13, с. 363], понимая перевод как «перекодирующую интерпретацию».

Современные исследования [16] показывают, что границы межсемиотического перевода как области исследования гораздо шире, чем предполагал Роман Якобсон. Хотя он подходил к феномену интерсемиозиса как к трансляционному, все равно в то время эта область исследований не была автономной, а все еще зависела от лингвистики. Сегодня интерес к межсемиотическому взаимодействию больше не ограничивается исключительно трансляционным измерением. Как явление коммуникации и служба культурной коммуникации, интерсемиозис изучается в контексте других областей исследований, включая аудиовизуальные исследования, изобразительное искусство и музыку, язык жестов и цифровые гуманитарные науки,

и многое иное. Этот вывод подтверждает идею, что измерение перевода вовлечено в большинство культурных практик и производств и что перевод является фундаментальным инструментом семиотических исследований.

Перевод является не только практикой, но и методом интерпретации и понимания, исследования и открытия, проверки и приобретения новых знаний, и как таковой также является методом критики. Кроме того, теория перевода также может быть теорией, которая отражается на знаке и значении. Такой подход может способствовать лучшему пониманию практики перевода. Эти положения являются составными аспектами исследований английского сигнифика и философа языка Виктории, леди Уэлби (1837—1912). О жизни, работах, исследовательских интересах Виктории Уэлби имеются работы на русском языке [6; 8—10].)

Многочисленные работы Уэлби обосновывают новую науку о значении и значимости, которую она называет «сигнифика» и характеризует как философию значимости», «философию перевода» и «философию интерпретации», что подчеркивает три различных, но взаимосвязанных измерения процессов означивания [23, 161].

Исходные интересы Уэлби, связанные с проблемами искажения языка своего времени, в том числе научной терминологии и языка религиозных текстов, критика устаревших идей, способов мышления и взглядов приводят к выводу о необходимости разработки и выдвижения на первый план диагностических исследовательских процедур, типичной формой которых является перевод. Перевод представляет собой важнейших метод сигнифики.

В статье о переводе, опубликованном в «Словаре философии и психологии» под редакцией Болдуина Виктория Уэлби определяет перевод как «1) В буквальном смысле, рендеринг одного языка в другой. 2) Изложение одного предмета с точки зрения другого; перенос данной линии аргументации из одной сферы в другую; использование одного набора фактов для описания другого набора, например эссе по физике или физиологии может быть экспериментально «переведено» в эстетику или этику, утверждение биологического в утверждение экономического факта» [22, с. 712].

Иными словами, под переводом понимается методическое построение аналогий, в первую очередь аналогий пропорциональности, структуры и функций. Смысл подобных аналогий проясняется в главной ее работе следующим образом: «...существует метод как обнаружения, тестирования, так и использования аналогии (или в некоторых

случаях гомологии), ценность которого, по видимому, еще не признана; и это можно назвать в расширенном смысле переводом» [23, 126]. Подчеркивая и иллюстрируя то, что «весь язык и все выражения являются формой перевода», сигнифика утверждает, что расширяет и развивает применение этой идеи в практических направлениях. Язык, как и любое использование знаков, подразумевает перевод в этом смысле в той мере, в какой опыт использования знака в данной ситуации должен быть переведен в предыдущий или одновременный опыт объекта, чтобы интерпретировать знак. С другой стороны, с точки зрения того, кто использует знак для объекта или вместо него, объект переводится знаком.

Перевод связывается с «трансформацией переноса, трансмутацией, преобразованием и, прежде всего, переоценкой», последнее, в свою очередь, связывает процедуру перевода с триадой «смысл — значение — значимость» как базовыми уровнями значения в широком смысле слова. Сам метод перевода-интерпретации основан на выявлении аналоговых отношений между различными знаками и системами знаков, будь то вербальные или невербальные, и в дополнение к использованию аналогий также является методом для их обнаружения, создания и проверки. Более того, как говорит Уэлби, это в основном относится к аналогии пропорционального, структурного и функционального типа. С этой точки зрения проблема перевода тесно связана с проблемой знаковости и образности языка, роли метафоры, аналогии и гомологии в становлении мыслительных процессов и коммуникации. На самом деле аналогия, сравнение, ассоциация, образный язык в целом, метафоры и сравнения все рассматриваются Уэлби как лингвистически-когнитивные устройства, реализованные через интерпретационно-переводные процессы для выразительного расширения прав и возможностей с точки зрения значимости.

Именно здесь кроется ключ к пониманию семиотической подоплеки перевода, его включения в процесс семиозиса — непрерывного семиозиса, по Пирсу: значение любого знака (вербального, ментального, образного) проясняется и развивается другим знаком, интерпретантом в модели Пирса. Перевод у Уэлби, совмещенный с интерпретацией, иногда совпадающий с ней, близко родственен интерпретационно-когнитивной модели Пирса. Пирс рассматривая ситуацию непрерывного семиозиса, предлагал знаковую модель, основанную на отношении диалогической связи между знаками, в свете которой смысл понимается в его первичном восприятии как «перевод знака в другую систему знаков, и которая в применимом

здесь восприятию является вторым утверждением, из которого в равной степени вытекает все, что следует из первого утверждения, и наоборот» [17, с. 127]. Согласно теории непрерывного семиозиса, значение знака — это интерпретирующий знак в открытой цепи ссылок от одного интерпретанта к другому. И точно так же, как у Уэлби все предполагает или напоминает нам о чем-то другом, у Пирса значение дается в преобразовании одного знака в другой «эквивалентный» или, возможно, «более развитый» знак (интерпретант), с помощью которого мы знаем нечто большее. Интерпретирующий знак дополнительно усиливает общий означающий потенциал предшествующего знака вместе с общим пониманием интерпретатором предыдущего знака. Другими словами, знак существует благодаря другому знаку, выступающему в качестве его интерпретанта, так что его смысл — это его перевод в другой знак. Знак процветает в отношениях взаимного перевода и замещения между знаками, по отношению к которым исходный знак никогда не дается автономно и предварительно. Как уже объяснял сам Пирс в письме Уэлби от 12 октября 1904 г.: «Знак служит связующим звеном между знаком-интерпретантом и объектом. Если взять знак в самом широком смысле, его интерпретант сам не обязательно должен быть знаком. <...> но мы можем взять (принять) знак настолько широко, что интерпретант его будет представлять собой не мысль, но действие или опыт. Мы можем даже толковать значение знака настолько расширительно, что его интерпретантом может быть качество переживания. <...> Мне представляется, что основная функция знака состоит в том, чтобы сообщать действительность отношениям, ею не обладающим — не принуждать их к действию, но устанавливать привычку или общее правило, посредством обращения к которому они будут действовать в определенной ситуации. Если обратиться к физике, все, что случается, — это непрерывное прямолинейное движение с определенной скоростью и ускорением, сопровождающим различные относительные положения частиц. Все остальные отношения, которых мы знаем весьма большое количество, не действительны. Знание некоторым способом наделяет их действительностью, знак же есть нечто такое, зная которое, мы знаем нечто большее. За исключением знания о содержании сознания в некоторый данный момент настоящего (существование такого знания сомнительно), всякая наша мысль и всякое знание возможны только посредством знаков. Знак, следовательно, есть объект, таким образом соотношенный со своим объектом с одной стороны, и с интерпретантом с другой, что это

приводит интерпретант в отношение к объекту, соответствующему его собственному отношению к тому же объекту. Я мог бы сказать «подобному его собственному отношению», ибо соответствие заключается в подобии, но значение первого кажется более точным» [7, с. 290].

В семиотике Уэлби перевод реализуется на каждом из уровней значения — на уровне смысле как естественной, первой «реакции», уровне значения как интенции, уровне значимости как обобщения первых двух с включением прагматических, культурных, социальных, коммуникативных и иных практик. Пирсовские понятия перевода и непрерывного семиозиса, характеризующие условия взаимосвязи теории знака и теории познания, претерпевают изменения в сигнифике, которая вытесняет все строго когнитивные характеристики в то измерение, где когнитивное и этическое в конце концов соединяются. Согласно этому подходу, понятие знания развивается не только в когнитивных терминах, но и в том, что у Уэлби можно назвать морализирующими и гуманизирующими терминами [21, с. 1—3] Нельзя не заметить, к подобному взгляду весьма близок М. Бахтин, для которого семиозис, или знаковая деятельность, — это открытый процесс перевода одних знаков в другие знаки, «диалогическое отношение « между ними. Как таковой, семиозис не может происходить вне процессов интерпретации / перевода. И Уэлби, и Бахтин полагают, что говорящий развивает сознание и выразительную способность посредством непрерывных процессов «перевода» от одного знака к другому, необходимых для развития языкового и лингвистического сознания, опыта и знания в целом. В концепции обоих исследователей такие процессы являются тем более новаторскими и творческими, чем выше степень диалогичности и инаковости в отношениях между переводимым знаком, или «интерпретируемым» знаком, и знаком, его переводящим, «интерпретирующим», «переводящим». Подобно Уэлби, Бахтин также подчеркивает важность взгляда на одну знаковую систему глазами другой знаковой системы (имея в виду также отношение между вербальными и невербальными знаками, как в случае транспозиции невербальных знаков карнавала в вербальные знаки карнавализованной литературы), смотреть на данный язык глазами другого, рассматривать литературный жанр или, в более общем смысле, жанр дискурса по отношению к другому и т. д.

Взаимосвязь между знаками и переводом возникает тогда, когда мы постулируем категорию замещаемости, то есть возможность быть сказанным иначе (вербально или невербально),

как необходимое условие знаковости, то есть, когда знак рассматривается не только как нечто, заменяющее что-то другое, но и как нечто, что в свою очередь может быть заменено чем-то другим. Другими словами, процессы замещения и транспозиции не предполагают исключения смысла, а скорее смещение смысла и, следовательно, взаимное усиление означающего между знаками. Следовательно, значение можно определить как класс вербальных и невербальных знаковых материалов, которые «говорят» друг о друге, то есть взаимно подчиняются друг другу. Каждый термин является либо интерпретирующим знаком, либо интерпретируемым знаком другого, в зависимости от означающего контекста, в семиотических процессах, в которых интерпретирующий знак заменяет интерпретируемый знак, который он так или иначе развивает. Идентичность знака требует непрерывных процессов сдвига и отсрочки: чтобы быть этим знаком здесь, знак должен всегда интерпретироваться и становиться другим благодаря интерпретирующему знаку, который его интерпретирует.

Заключение. Сигнифика нацелена на рассмотрение возможных ответов на вопрос, стоящий как перед вербальными знаками и знаковыми

системами, так и невербальными, вопрос «Что это означает?». Именно этот вопрос возникает как в живой коммуникации, так и в столкновении с текстами, значение которых многообразно и размыто, метафорично и контекстуально. Уэлби не ограничивала проблему перевода отношения между двумя естественными языками, полагая, что процессы перевода охватывают различные универсумы дискурса и различные знаковые системы, где процедуры сигнификации проходят одновременно на различных когнитивных и семиотических уровнях. Говоря том, что переводческая проблематика занимает центральное место во многих философских дискуссиях и приводя сложности перевода даже такой простой фразы как «It's raining cats and dogs» (в дополнение к которой мы бы привели и нашу любимую «to born with a silver spoon in one's month») Эко подчеркивает необходимость некоей широкой концептуальной базы, которая дала бы возможность адекватного понимания сущности перевода. Сигнифика, связывая воедино три процесса перевода, указанные Якобсоном, с более широким процессом семиозиса, должна считаться необходимым элементом того, что может быть названо «философией перевода».

Список источников

1. Алексеева М. Л. Проблема непереводаемости в философских исследованиях начала XXI в. // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 51—60.
2. Багатурия Г. А. Из опыта изучения рукописного наследия Маркса и Энгельса. Реконструкция первой главы «Немецкой идеологии» // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 260—309.
3. Европейский словарь философий : словарь / под рук. Б. Кассен. Т. 1. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2015. 452 с.; Т. 2. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2017. 408 с.
4. Кронгауз М. А. Семантика. М. : Академия, 2005. 352 с.
5. Ляшов В. В. От «сигнифики» Виктории Уэлби до критического мышления // Парадигмы управления, экономики и права. Волгоградский институт управления. 2020. № 2 (2). С. 57—67.
6. Ляшов В. В., Скрипник К. Д. Сигнифика В.Уэлби и семейотика Ч.Пирса: сравнение в отношении проблемы знака и значения // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3. С. 24—30
7. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб. : Алетейя, 2000. 352 с.
8. Скрипник К. Д. Истоки и формирование сигнифики: ранние работы Виктории Уэлби // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2020. № 5. С. 137—144.
9. Скрипник К. Д. История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлби // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 875—887.
10. Скрипник К. Д. Философское эпистолярное наследие: феномен леди Виктории Уэлби // Философский журнал = Philosophy Journal. 2019. Т. 12, № 2. С. 131—143.
11. Смирнов А. В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. 2012. № 1 (8). С. 40—58.
12. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Симпозиум, 2006. 574 с
13. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 364—368.
14. Essays on Frege's Basic Laws of Arithmetic / eds. Ph. A. Ebert, M. Rossberg. Oxford : Oxford Un. Press, 2019. 673 p.

15. Holmes J. The Name and Nature of Translation Studies // The Translation Studies Reader / ed. L. Venuti. London ; New York : Routledge, 2004, p. 172—185.
16. Kourdis E., Petrilli S. Introduction: Translation and Translatability in Intersemiotic Space // *Punctum. International Journal of Semiotics*. 2020. Vol. 06, iss. 01. Pp. 5—14.
17. Peirce Ch. S. Collected Papers : in 8 Vol / ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1931—1958.
18. Routledge Handbook of Translation and Philosophy. Ed. by Piers Rawling and Philip Wilson. New York. Routledge. 2019. 800 p.
19. Russell, B. The Principles of Mathematics, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1938. 568 p.
20. The Frege Reader. Ed. by M. Beaney. Oxford. Blackwell Publ., 1997. 409 p.
21. Welby V. Significs and Language / Repr. of the ed. London, 1911. Amsterdam : John Benjamin Publ. Co., 1985. 435 p.
22. Welby V. Translation // Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes / ed. J. M. Baldwin. Vol. 2. London : Macmillan, 1902, p. 712.
23. Welby V. What is Meaning? / Repr. of the ed. London, 1903. Amsterdam : John Benjamin Publ. Co., 1983. 321 p.

References

1. Alekseeva ML. Problema neperevodimosti v filosofskih issledovanijah nachala XXI v. *Voprosy filosofii*. 2016;3:51-60. (In Russ.).
2. Bagaturija GA. Iz opyta izuchenija rukopisnogo nasledstva Marksa i Jengel'sa. Rekonstrukcija pervoj glavy «Nemeckoj ideologii». In: *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy*. Moscow; 1969. Pp. 260-309. (In Russ.).
3. Evropejskij slovar' filosofij. Vol. 1. Kiev: DUH I AITERA; 2015. 452 p.; Vol. 2 Kiev: DUH I AITERA; 2017. 408 p. (In Russ.).
4. Krongauz MA. Semantika. Moscow: Akademija; 2005. 352 p. (In Russ.).
5. Ljashov VV. Ot «signifikii» Viktorii Ujelbi do kriticheskogo myshlenija. *Paradigmy upravlenija, jekonomiki i prava*. 2020;2(2):57—67. (In Russ.).
6. Ljashov VV, Skripnik KD. Signifika V.Ujelbi i semejotika Ch.Pirsa: sravnenie v otnoshenii problemy znaka i znachenija. *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. 2020;3:24-30. (In Russ.).
7. Pirs Ch. Nachala pragmatizma. St. Petersburg: Aletejja; 2000. 352 p. (In Russ.).
8. Skripnik KD. Istoki i formirovanie signifikii: rannie raboty Viktorii Ujelbi. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. 2020;5:137-144. (In Russ.).
9. Skripnik KD. Istorija semioticheskikh idej: signifika ledi Viktorii Ujelbi. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2021;12(3):875-887. (In Russ.).
10. Skripnik KD. Filosofskoe jepistoljarnoe nasledstvo: fenomen ledi Viktorii Ujelbi. *Filosofskij zhurnal*. 2019;12(2):131—143. (In Russ.).
11. Smirnov AV. Filosofija perevoda i perevod filosofii. *Filosofskij zhurnal*. 2012;1(8):40-58. (In Russ.).
12. Jeko U. Skazat' pochtu to zhe samoe. Opyty o perevode. St. Peresbiurg: Simpozium; 2006. 574 p. (In Russ.).
13. Jakobson RO. O lingvisticheskikh aspektah perevoda. In: *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress; 1985. Pp. 364-368. (In Russ.).
14. *Essays on Frege's Basic Laws of Arithmetic*. Oxford: Oxford Univiesity Press; 2019. 673 p.
15. Holmes J. The Name and Nature of Translation Studies. In: *The Translation Studies Reader*. London, New York: Routledge, 2004. Pp. 172-185.
16. Kourdis E., Petrilli S. Introduction: Translation and Translatability in Intersemiotic Space. *Punctum. International Journal of Semiotics*. 2020;06(01):5-14.
17. Peirce ChS. Collected Papers, 8 Vols. Cambridge: Harvard University; 1931—1958
18. Routledge Handbook of Translation and Philosophy. Ed. by Piers Rawling and Philip Wilson. New York: Routledge; 2019. 800 p.
19. Russell B. The Principles of Mathematics. Cambridge: Cambridge University Press; 1938. 568 p.
20. The Frege Reader. Oxford. Blackwell; 1997. 409 p.
21. Welby V. Significs and Language. Amsterdam: John Benjamin; 1985. 435 p.

22. Welby V. Translation. In: Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes. Vol. 2. London. Macmillan, 1902, p. 712.

23. Welby V. What is Meaning? Amsterdam: John Benjamin; 1983. 321 p.

Информация об авторах

В. В. Ляшов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки.

К. Д. Скрипник — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии.

Information about the authors

V. V. Lyashov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science.

K. D. Skripnik — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of the History of Foreign and Russian Philosophy.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declares no conflicts of interests.